

Илана Явиц
Беер-Шева, Израиль

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ: ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УТРАЧЕННОМ МИРЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Мое сообщение на конференции я стремилась сделать максимально объективным, что предполагает некоторую отдаленность и абстрагирование докладчика от темы. Я представляла себя в роли артиста-кукольника, спрятавшегося за занавесь и двигающего за нитки марионеток. Однако в процессе работы над статьей я увидела, что рассказ получается личным, ширмы падают и я стою перед читателями вместе со всеми, кому хочу посвятить этот рассказ, — с обитателями особого еврейского мира, который был так жестоко сметен с лица земли.

Но как же я могу взглянуть на этот мир со стороны, когда пепел, который стучит в мое сердце, — это пепел моих самых близких родных, моих бабушки и дедушки, их детей и других членов многочисленной и дружной семьи?

Никто из них не умер от старости, болезней, не погиб на ратном поле, не покончил с собой, у них не разорвалось сердце от неразделенной любви — все они были зверски истреблены в Рижском гетто, в городе, где десятки лет они мирно жили и трудились. Поэтому моя скорбь по ним превращается в социальный фактор и личные события приобретают общественную окраску.

Мою судьбу определили не звезды в день моего рождения, а мировая история: я родилась в июне 1945 г. Мои родители — их еще помнят и любят в Латвии — Захар Миронович Черфас, профессор Рижского медицинского института, и Лия Моисеевна, доцент Латвийского университета, — вернулись в Ригу в надежде найти хоть кого-нибудь, хоть что-нибудь из их привычного мира. Они не увидели здесь ни людей, ни вещей, не услышали звуков привычной речи — не осталось никого и ничего, была лишь пустота, что обозначалось в нашем доме латинским словом “*nihil*”.

Что было делать? Отсесть прошлое и начать жизнь с нового порога? Как воспитывать дочерей? Каким образом взволновать их многовековой историей своего народа и добиться того, чтобы она не кончалась для них дымком труб крематориев и ямами Румбулы?

Мои родители решили воссоздать в своих рассказах и воспоминаниях утраченный мир. Наши убитые родные продолжали жить с нами, мы знали их привычки, посмеивались над их слабостями, завидовали феноменальной памяти дедушки и хозяйственным талантам бабушки.

Каждый человек мысленно разговаривает с теми, кто навсегда ушел от нас. Особенностью нашего поколения в еврейских семьях было то, что мы общались в своих думах с теми, которых никогда не видели. В моем восприятии еврейский мир, в том числе и быт местечка, был не менее реален, чем реальный, в котором я жила. На основании рассказов, чудом уцелевших снимков в моем воображе-

Захар Миронович и Лия Моисеевна Черфас. Рига, начало 30-х гг.

нии создались образы визуальные, реалистические, повседневные. Картины и понятия, существующие в моей душе, сегодня для меня не менее реальны, чем материальный мир. Я уже не могу представить себе быт моих предков другим, чем он был для меня в течение многих десятилетий, хотя некоторые ранее не известные мне факты

могли бы изменить отдельные штрихи общей картины. Я в состоянии принять мнение собеседника в споре, могу изменить свою точку зрения, но семейные воспоминания и рассказы моих родителей неприкосновенны. Теперь наука нашла извинение и объяснение косности воспоминаний — у людей имеется «эмоционально кодированное представление» о прошлом, которое «почти или вовсе не может быть изменено за счет информации, полученной в более позднее время»¹.

Мне трудно судить об этой теории, но мне кажется, что мои воспоминания стойки по другой причине: духовной и социальной. Дело в том, что устный рассказ у евреев имеет гораздо большее значение, чем у других народов. Очень часто приходили времена, когда решающей становилась устная историография. В течение тысячелетий единственное, что нас объединяло, — это Слово. Слово, рассказ, миф — это был путь к выживанию.

Приведу лишь один пример: много столетий подряд раз в году, в праздник Песах, каждый еврей слушает историю исхода из Египта. Рассказ передается из поколения в поколение в форме, понятной всем присутствующим на пасхальной трапезе, и каждый может чувствовать себя непосредственным участником этого события. Текст насыщен бытовыми подробностями и характеристиками, придающими достоверность рассказываемым событиям. Давид Бен-Гурион однажды отметил, что лишь немногие англичане знают, чем питались американские пионеры на корабле «Мэйфлауэр», хотя он пересек океан лишь каких-то несколько сотен лет назад. Мы же, в противовес этому, все знаем, что было «хлебом бедности» во время скитаний в пустыне: им был опреснок — маца.

После Холокоста мои родители, выросшие в еврейской атмосфере, стремились сохранить, вернее, возродить ее.

Делалось ли это лишь во имя детей?

Безусловно — нет. Для моих родителей рассказы о жизни еврейской общины были необходимы, может быть, больше, чем нам. Это была почва, которая их тала. Оторвавшись от нее, они бы перестали быть самими собой.

Но что из ушедшего мира надо сохранить?

Что могло взволновать молодое поколение из рассказов о планете, которой, казалось, уже не существует. Да и что же было в свое время там, в этом еврейском мире и в том числе в так называемом местечке?

Когда я говорю о местечке, я имею в виду не только географическое определение, но и социальное — образ жизни, воспитание, обычаи, которые были характерны для его обитателей.

Кем же были люди, которые были сожжены, расстреляны, погребены заживо вместе с их надеждами, чаяниями и языком? Надо ли бороться за воскрешение ушедшей культуры, за сохранение в истории народа образов людей, которые, казалось, не шли в ногу с научным и техническим прогрессом? Какими духовными ценностями обладали наши предки, если говорили они на языке, который, увы, часто служил основой для издевательских пародий? Ведь даже слово «местечковый» имеет явно пренебрежительный оттенок. Так чем же объясняется желание наших родителей сохранить традиции прошлого? Ведь они были прекрасно знакомы с мировой культурой, говорили на многих языках, обладали широкими взглядами на жизнь.

Что и как они помнили?

Ответить на этот вопрос мне помогут строки поэта Бориса Слуцкого о гибели, вернее, об истреблении еврейских местечек:

Он вылетел в трубы освенцимских топков,
Мир скатерти белой в субботу и стопок.
Он — черный. Он — жирный. Он — сладостный дым.
А я его помню еще молодым.

В этом стихотворении поражает слово «сладостный», которое не находится в привычном для нас контексте «сладкого дыма» — речь идет о печах крематория. Но именно в этом заключается своеобразие и особенность еврейской традиции. Как бы трагичны ни были события, в воспоминаниях о них всегда есть что-то светлое.

Отношение между памятью о трагических событиях, глубокой скорбью и способностью продолжать жизнь и радоваться ей — большая человеческая проблема. Обычно каждый решает ее для себя сам. Но в еврейской традиции, в высказываниях мудрецов, говорится о долге «помнить» и о необходимости «забывать». Именно взаимодействие этих двух феноменов определяет специфику еврейского рассказа: он — многоцветен. Нет только черного и белого, нет непрерывного плача, стенаний. Жизнь показана во всех ее проявлениях, а еврейский юмор, острый и в то же время незлобный, сопровождает нас в течение всей нашей истории. В этом, вероятно, необыкновенное обаяние еврейского фольклора.

Как уже было упомянуто, в еврейских семьях Латвии после Холокоста не было реалий прошлого, но с раннего детства я жила в подлинном мире и еще на одной планете, о которой почти никто ничего не знал. У меня было безоблачное детство: меня окружали чудесные родители, любящая старшая сестра, близкие мне родные, блестящие интеллектуалы — друзья нашего дома. Но обитателями моего особого в н у т р е н н е г о микромира были обыкновенные, как принято говорить, «маленькие люди». Они не были увенчаны лаврами и не наслаждались мифическим еврейским богатством. Финал их жизни был немислимо трагичен — родители ничего не утаили от нас, мы знали о Холокосте задолго до того, как об этом стали говорить публично. Но именно эти люди, лишенные всяческого внешнего блеска, стали мне необыкновенно близки.

Попытаюсь объяснить, как это произошло.

На разных ступенях жизни информация перерабатывается по-разному. Вначале нас привлекала таинственность ушедшего мира: он был своего рода убежи-

щем от действительности, запретов и табу. Это был уголок внутреннего протеста, духовной свободы. Но с годами я научилась видеть в еврейском мире то, что всегда влекло меня: мудрость и любовь.

Многочисленные рассказы о прошлом были отличны друг от друга, и все же можно выделить несколько основных групп:

— еврейские легенды, мифы, часто имеющие форму притч. Они заставляли задумываться и убеждали в неизменности человеческой сущности;

— рассказы о выдающихся людях еврейского происхождения. Конечно, было приятно узнать, что Генрих Гейне, Карл Маркс и многие другие были евреями, но я прекрасно понимала: от меня до Альберта Эйнштейна такое же непреодолимое расстояние, как и до Ивана Петровича Павлова. Искра Божья, коснувшаяся их, обошла меня, и никакое национальное родство или, как часто случается у евреев, кровные связи мне не помогут;

— воспоминания, в которых отражались радость и боль типичной еврейской семьи в Латвии. Именно они сыграли решающую роль в формировании моей личности, укрепили чувство принадлежности к моему народу и определили выбор жизненного пути.

Люди, о которых поведали мне мои родители, не были похожи на тех, которых я встречала в действительности. Они были другими, и они были моими. Мой дедушка, отец мамы, не смог получить формального образования — в 13 лет он стал кормильцем большой семьи. Но он был очень мудрым, знающим человеком. Работал он грузчиком на мельнице, а после работы открывал свой шкаф с бесценными для него книгами и дискутировал со своими друзьями о вечных проблемах Бытия.

Слушая рассказы моих родителей, я поняла, что такое «народ Книги»: ведь, по еврейской традиции, человек всю жизнь должен учиться, не должен ничего воспринимать как догму; он должен задавать себе и другим вопросы и в спорах искать истину. В эти минуты раздумья люди находили в себе силы подняться в душе своей над земным миром и забыть о гонениях, нищете, болезнях, что было, как известно, уделом многих. Мы знали, что ушедший мир не был «потерянным раем», но нас очень привлекало то, что в каждом доме, даже в самом бедном, раз в неделю был праздник: зажигались свечи и пелись хвалебные гимны в честь венценосной гостьи — царицы Субботы.

Устные рассказы о еврейской жизни отличались одним удивительным свойством — в них были тесно переплетены, создавая единое полотно, две субстанции: фактический и фольклорный материал. Я могу часами рассказывать эпизоды из жизни еврейских местечек, которые поведала мне моя мама, а ведь она никогда не жила в маленьком городке.

По формальной характеристике, наша семья могла считаться ассимилированной: в доме говорили по-русски, мама преподавала классическую литературу, папа был врачом. Родители были по-настоящему демократичны: национальность, внешние данные, социальное положение никогда не были критерием отношения к человеку. Я не могу передать, как я благодарна судьбе за моральные заповеди, которые были получены мною в семье. Я рано поняла, что эти подлинные ценности заключены в еврейском быте и традициях, и оттуда черпали их мои родители.

Уважение к общечеловеческим знаниям было характерно для традиционной еврейской семьи. Мечтой даже самого простого еврея было дать детям образова-

ние. Оба мои деда были очень религиозными людьми. Один из них прекрасно говорил по-русски, и его любимым писателем был Лев Толстой. А мой второй дедушка, который вряд ли часто читал светские книги, очень гордился своим знакомством с доктором Лившицем, поскольку тот был близким другом великого лагэшского поэта Яниса Райниса.

Лия Моисеевна и Захар Миронович Черфас. Рига, февраль 1974 г.

Все рассказы о прошлом иллюстрировались чудной музыкой: песнями на идише. Теперь эти песни стали частью современных шоу-программ: они исполняются в огромных концертных залах, на сцене, украшенной цветами, под аккомпанемент оркестра и при участии кордебалета; под музыку *фрейлехс* притопывают государственные мужи. Это все, наверное, красиво, но абсолютно неверно. Еврейским песням чужда бравурность и мишура. Они не похожи на огромные веселые панно. Они, скорее, лирические, интимные бытовые зарисовки. Гамма оттенков в еврейской песне огромна; музыка, слова, манера исполнения неразрывно связаны друг другом и вместе создают особый жанр. В любой, даже коротенькой, песне есть смех, слезы, любовь и тоска.

Внимая песням, слушая рассказы, учили мы — дети родителей, чудом избежавших трагической участи миллионов, свою историю. Так был передан в наши руки бесценный дар — культурное наследие нашего народа.

Наверное, историк не одобрил бы такой путь познания: устный рассказ отличается хронологической непоследовательностью, в нем нет статистики, он чересчур эмоционален для верного отражения событий. Но наша действительность была исключением из всех правил. Ведь люди, воспоминания о которых теперь воссоздавали историю нашего народа, должны были быть рядом с нами, расти и баловать своих внуков — а вместо этого вокруг нас были зияющие рвы. Мы не могли с этим смириться, и поэтому эти люди продолжали жить в альтернативном мире, который мы создали в своей душе.

В юности, когда чувства пылки, впечатления от устного рассказа особенно сильны. Ведь в нем, как в котле алхимика, собраны материя и дух: вы слышите звуки, вы видите образы, в ушах звенит смех и плач, вы сближаетесь с рассказчиком. Трудно переоценить влияние семейных воспоминаний на внутренний мир молодого человека. В формировании нашей национальной самоидентификации они сыграли, пожалуй, решающую роль.

Мне довольно часто приходилось слышать от людей, в чьей искренности мне бы не хотелось усомниться, фразы типа: «Я долго не знал, что я — еврей»; «Мы не чувствовали себя евреями». Я же всегда с огромной благодарностью в душе

моим родителям утверждаю: «Мы всегда и везде б ы л и евреями». Глагол «быть» я употребляю в том значении, которое придает ему в своих работах знаменитый психолог и философ Эрих Фромм, — «быть», а не «иметь»². Наша национальная принадлежность была важнейшей частью нашего бытия, сущности. И не потому, что мы были изгоями, не потому что общество напоминало нам об этом, а потому, что мы кожей чувствовали связь со своим народом. У нас не было еврейских школ, мы не знали языка, и, тем не менее, была сохранена цепь поколений: мы скорбели о погибших и в то же время твердо верили в бессмертие нашего народа.

По еврейской традиции мне хочется завершить мое выступление словами мудреца.

Израильский писатель Шмуэль Йосеф Агнон при вручении ему Нобелевской премии сказал: «Вследствие исторической катастрофы, из-за того, что Тит, император римский, разрушил Иерусалим и народ Израиля был изгнан из его страны, родился я в одном из городов изгнания. Но повседневно и постоянно я воспринимал себя как родившегося в Иерусалиме».

Поколение моих родителей выполнило задачу, которая многим казалась непосильной: в Латвии было возрождено еврейское национальное самосознание. Дети, родившиеся после Холокоста, знали, что они — родом из Иерусалима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого (память как арена политической борьбы) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3. С. 40—41.

² См.: *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 2008.